УДК 378.001

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЛАВНЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ В КОНЦЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ СИБИРИ)

В.В. Петрик

Томский политехнический университет
E-mail: regionoved@mail.ru

Анализируется процесс становления и развития новых организационных форм научных исследований в вузах Сибири в конце 50-х – начале 90-х гг. XX в. (научно-исследовательские институты, кафедры, отраслевые и проблемные лаборатории). Подробно характеризуются такие проблемы, как координация и планирование исследований, расширение сотрудничества академической и вузовской науки, участие ученых сибирских вузов в научных съездах, конференциях, совещаниях.

Значительное место в системе высшего образования, в конце 1950-х – начале 1990-х гг., отводилось развитию научных исследований, созданию теоретической базы научной и учебной работы. На это нацеливали вузы важнейшие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР [1]. В соответствии с основными задачами, изложенными в директивных документах, центральные управленческие структуры научно-образовательного комплекса, местные органы власти, руководство высших учебных заведений сосредотачивали внимание ученых на решение крупных, имевших практическое значение задач, направляли деятельность факультетов и кафедр на координацию научно-исследовательской работы, кооперирование вузовской науки с академической, укрепление творческих связей с ведущими вузами страны, с НИИ АН СССР, отраслевых министерств и ведомств. Эти проблемы широко обсуждались на ректоратах и ученых советах, партийных собраниях, заседаниях парткомов и партбюро факультетов, деканатах.

Однако, следует заметить, что условия для организации научных исследований в учреждениях высшего образования региона были различными. Ведущие сибирские вузы научно-исследовательскую работу строили на базе своих лабораторий, НИИ и академических институтов СО АН СССР.

Молодые же учебные заведения, не обладая столь мощным научным потенциалом, опирались в основном на возможности собственных кафедр и вновь создаваемые отраслевые и проблемные научные лаборатории. Они стремились также поддерживать тесную связь с институтами Академии наук СССР и ее Сибирского отделения, центральными и ведущими региональными вузами.

Важную роль в процессе становления новых организационных форм вузовской науки к началу изучаемого периода, сыграло постановление Совмина СССР "О мерах улучшения научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях" (апрель 1956 г.). Указывая на важную роль высшей школы в развитии науки, постановление одновременно отмечало, что вузы еще не заняли надлежащее место в развитии отечественной науки и техническом прогрессе. "Разработка теоретических проблем как основа научной работы высших учебных заведений, – говорилось в нем, – должна быть направлена на выполнение задачи всемерного по-

вышения технического уровня производства и темпов технического совершенствования всех отраслей народного хозяйства" [2]. С этой целью министерствам и ведомствам было предоставлено право создания при вузах отраслевых и проблемных научно-исследовательских лабораторий, которым передавались необходимые средства и оборудование. Изменился порядок определения нагрузки профессорско-преподавательского состава – она стала устанавливаться с учетом научно-исследовательской работы (НИР), разрешалось передавать вузам новые образцы приборов, аппаратов, машин и оборудования.

Первые проблемные лаборатории были организованы в ряде ведущих вузов региона. В 1957 г. в Томском политехническом институте открылись три проблемные научно-исследовательские лаборатории (ПНИЛ) геологии; синтеза лекарственных веществ и органической химии, а также электроники, диэлектриков и полупроводников. Работы здесь проводились под научным руководством профессоров Ю.А. Кузнецова, Л.П. Кулева и А.А. Воробьева [3].

При Красноярском пединституте, во второй половине 1950-х гг., начала функционировать проблемная научно-исследовательская лаборатория макроструктуры ферромагнетиков, основателем которой был профессор Л.В. Киренский [4]. За период с 1958 по 1965 гг. в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта при кафедрах было создано семь отраслевых НИЛ, в том числе: мостовых конструкций, путеиспытательная, по испытанию смесительных машин, предварительно-напряженного железобетона, прочности элементов верхнего строения пути, сохранности грузов при железнодорожных перевозках, по борьбе с лавинами, заносами и размывами на железных дорогах [5]. В 1958 г. Иркутский госуниверситет пополнился проблемной научно-исследовательской лабораторией полимеров и инсектофунгицидов (научный руководитель, доцент А.В. Калабина), в 1963 г. открывается проблемная лаборатория микробиологии, а в 1966 г. при физическом факультете ИГУ была создана ПНИЛ люминесценции и электролюминесценции кристаллических веществ, которую возглавил профессор И.А. Парфианович [6]. В Сибирском металлургическом институте в 1970-е гг. действовала проблемная лаборатория "Металловедение и физика металлов" [7].

Выше были приведены сведения, касающиеся организации проблемных и отраслевых лабораторий лишь в некоторых вузах региона. Разумеется, перечень институтов и университетов, в составе которых возникли эти научные подразделения, может быть значительно расширен. Достаточно сказать, что общее количество ПНИЛ и ОНИЛ в вузах Сибири, по неполным данным, за 1958–1991 гг. увеличилось с 25 до 98, то есть почти в 4 раза [8].

Наряду с проблемными и отраслевыми лабораториями важнейшей организационной формой вузовской науки в рассматриваемый период, являлись научно-исследовательские институты (НИИ) при высших учебных заведениях. Как известно, эта форма возникла еще в 1920-е гг. и оказалась достаточно эффективной [9].

Следует сказать, что господствовавшая тогда образовательная ориентация высшей школы не создавала условий для организации и развития вузовских НИИ. В подавляющем большинстве учебных заведений научная работа профессорско-преподавательских коллективов осуществлялась в т.н. "кафедральных формах". Это являлось следствием установки на то, что сотрудник вуза должен заниматься НИР в свободное от учебно-педагогической деятельности время.

В результате, при высших учебных заведениях отсутствовали специализированные научно-исследовательские подразделения, однако из этого правила были исключения. Они были характерны для наиболее крупных институтов и университетов, обладавших значительным авторитетом и большим опытом организации научных исследований. Исторически сложилось так, что в Сибири к их числу относился ряд томских, иркутских и новосибирских вузов.

С 1928 г. в составе Томского государственного университета функционировал старейший в регионе Сибирский физико-технический институт (СФТИ). В СФТИ работал основатель данного научно-исследовательского учреждения профессор, член-корреспондент (впоследствии академик) АН СССР – В.Д. Кузнецов [10]. Кроме того, при ТГУ действовали Ботанический сад (директор, кандидат биологических наук В.А. Морякина), научно-исследовательский институт прикладной математики и механики (директор, доцент А.Д. Колмаков) и научно-исследовательский институт биологии и биофизики (директора, профессор В.А. Пегель, доцент Г.Ф. Плеханов) [11].

Наряду с ТГУ крупнейшим вузовским исследовательским центром в Сибири являлся Томский политехнический институт. Его роль особенно возросла после открытия при нем в 1958 г., по решению Совета Министров СССР, научно-исследовательских институтов ядерной физики (директор, профессор И.П. Чучалин), автоматики и электромеханики (директор, профессор А.И. Зайцев) [12]. К 1967 г. при ТПИ были созданы еще два бюджетных НИИ: высоких напряжений (директор, профессор И.И. Каляцкий) и электронной интроскопии (директор, профессор В.И. Горбунов) [13]. Здесь функционировали также НИИ физики твердого тела, химии и химической технологии, инженерной геологии и гидрогеологии, которые вели исследования на общественных началах [14]. Эти научные учреждения изначально были ориентированы на приоритетные направления НТП и создавались как крупные и самостоятельные исследовательские учреждения. Структура указанных НИИ показывает, что в их деятельности существенное

место отводилось работам по тематике военно-промышленного комплекса, что в значительной степени способствовало финансированию их со стороны "оборонки".

Аналогичные тенденции были характерны и для вузовской науки Иркутска, где исследовательский потенциал высшей школы был сконцентрирован вокруг университета (ИГУ). При ИГУ действовали три научно-исследовательских института, специализировавшихся на биолого-географических и физико-химических исследованиях. Среди них НИИ биологии – старейший вузовский НИИ Сибири, созданный постановлением Наркомпроса РСФСР от 16.03.23 г.; НИИ нефти- и углехимического синтеза, переданный в университет из системы АН СССР постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР № 436 от 11.04.63 г.; НИИ прикладной физики, организованный на основе постановления Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) № 68 от 23.12.69 г. и научно-исследовательская часть (создана приказом Минвуза СССР № 942 от 27.07.89 г.) [15]. В состав исследовательских учреждений ИГУ входили также научные подразделения и научно-производственные базы: Байкальская биологическая станция, Селенгинская орнитологическая станция, Ангарская биологическая станция, радиофизический полигон, Астрономическая обсерватория, Ботанический сад, научно-исследовательский центр гуманитарного регионоведения [16].

В 1980-е – начале 1990-х гг. в рамках Восточно-Сибирского регионального экспериментально-производственного комплекса работали следующие межвузовские научные подразделения Иркутского госуниверситета: республиканская НИЛ спектроскопии, региональная НИЛ рентгеноспектрального анализа, региональная НИЛ электронной микроскопии, региональный вычислительный центр [17].

С 1964 г. вычислительный центр (ВЦ) начал функционировать в Новосибирском электротехническом институте (НЭТИ) [18].

Приведенные примеры говорят о том, что научно-исследовательские учреждения при ТГУ, ТПИ, ИГУ и НЭТИ были представлены в основном крупными НИЛ, НИИ и ВЦ, что совершенно нехарактерно для других вузов Сибири. Причина здесь в том, что абсолютное большинство таких учебных заведений были откровенно слабыми, испытывали острый недостаток в оборудовании, служебных помещениях и не имели необходимых ресурсов для создания собственных научно-исследовательских институтов и вычислительных центров.

Среди высших образовательных учреждений региона особая роль принадлежала Новосибирскому госуниверситету (НГУ), составлявшему единый комплекс с НИИ Сибирского отделения Академии наук СССР, что было изначально заложено как в концепции научного центра, так и самого университета. Формы взаимодействия НГУ с СО АН СССР были закреплены в "Договоре об основных принципах взаимодействия НГУ, Минвуза РСФСР и учреждений СО АН СССР", утверждены решениями коллегии Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР (МВ и ССО РСФСР) от 16.08.79 г. и постановлением Президиума СО АН СССР № 210 от 3.04.79 г. [19].

Координация НИР университета и академических институтов осуществлялась согласно положению о взаимодействии научно-исследовательской части (НИЧа НГУ) и научно-исследовательских институтов СО АН СССР. Структурными подразделениями НИЧа в 1960–1980-е гг. являлись 17 тематических межкафедральных научно-исследовательских лабораторий, 9 из них (63 % штатной численности) базировались на площадях академических институтов и входили в состав учебно-научного комплекса "факультет-тематическая лаборатория-базовый институт СО АН СССР". Научными руководителями данных лабораторий назначались, как правило, заведующие кафедрами, которые одновременно являлись и директорами НИИ. Научное руководство тем осуществлялось штатными сотрудниками университета и ведущими учеными академических учреждений на общественных началах. Среди них – 6 академиков, 7 членов-корреспондентов АН СССР, 23 доктора наук, профессора. В целом к участию в НИР и ОКР к началу 1990-х гг. было привлечено около 400 высококвалифицированных научных сотрудников СО АН СССР. Практически 90 % всего объема хоздоговорных работ НИЧа университета выполнялось с помощью академических институтов [20].

Выполняя постановление бюро Новосибирского обкома КПСС "О повышении эффективности научных исследований высших учебных заведений" (июнь 1984 г.), ректорат, ученый совет и общественные организации НГУ свои основные усилия сосредоточили на решении двух задач: во-первых, укреплении научной тематики; во-вторых, кооперировании ученых внутри вуза, вузовских коллективов друг с другом, с НИИ и предприятиями. С этой целью руководство вуза в 1985 г. содействовало созданию в НГУ совета по НИР под руководством ректора университета В.Е. Накорякова. Членами совета стали деканы и заведующие кафедрами, при факультетах были созданы комиссии, производившие отбор научной тематики для включения ее в тематический план и дававшие оценку научному уровню выполненных НИР [21]. Это обеспечивало высокий теоретический и практический уровень фундаментальных и прикладных исследований, но ни в коей мере не делало университет типичным для региона в целом.

Безусловно, создание новых вузовских кафедр, проблемных и отраслевых лабораторий, научно-исследовательских институтов, вычислительных центров способствовало повышению эффективности проводившихся в вузах НИР. Вместе с тем, су-

ществовало и немало организационных неурядиц. К их числу относился случайный выбор тематики исследований. Часто отдавалось предпочтение разработке мелких тем, не имевших теоретического и практического значения. Далеко не все ведущие ученые привлекались к деятельности исследовательских подразделений вузов, нередко вновь создаваемые научные структуры работали разобщенно, без должной координации.

Расширение сети научно-исследовательских учреждений при высших учебных заведениях было органически связано с мерами по совершенствованию системы управления вузовской наукой. Проблемы организации НИР занимали одно из главных мест в работе ректоратов, ученых советов, кафедр, деканатов и общественных организаций. Кроме того, в большинстве сибирских вузов имелись научно-исследовательские сектора и части (НИС, НИЧ), занимавшиеся координацией и планированием исследований. Общее руководство ими осуществляли проректора по научной работе. Подтвердим сказанное следующими примерами. На заседании ученого совета Алтайского мединститута, созванного в январе 1959 г., обсуждался вопрос "О проблематике научной работы АГМИ" [22]. План научных исследований на 1965–1966 гг. был утвержден на заседании парткома Омского института инженеров железнодорожного транспорта, состоявшегося в декабре 1965 г. [23]. В решении ученого совета Бурятского сельхозинститута (май 1975 г.), отмечалась слабая работа НИСа этого вуза по организации научных исследований [24]. В июне 1985 г. партийное собрание Красноярского госуниверситета, заслушав доклад проректора, профессора В.А. Сапожникова "Состояние и перспективы развития научной работы в КрасГУ", поручило "руководителям кафедр и факультетов пересмотреть планы НИР университета, дополнив их проблемами, вытекавшими с точки зрения их более тесной связи с производством и расширения хоздоговорных работ" [25].

Руководящие структуры высших образовательных учреждений контролировали выполнение планов НИР, заслушивали доклады, связанные с научной работой вузовских НИИ, проблемных и отраслевых лабораторий, кафедр. С середины 1960-х гг., после очередного провозглашения расширения прав коллективов и их участия в самоуправлении предприятий, в вузах, помимо традиционных ученых советов, призванных следить за научно-исследовательской работой, стали создаваться различного рода вспомогательные контролирующие органы. В учебных заведениях это были временные и научно-плановые комиссии. Они следили не только за выполнением НИР, но и за дисциплиной, а также наряду с партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями контролировали моральный облик научно-педагогических работников [26]. Это приводило к дублированию и параллелизму в деятельности управленческих структур.

Разумеется, научная деятельность ученых находилась под контролем в течение года, но подведение итогов, годовых или пятилетних, всегда было особым этапом, контроль был завершающим. К слову, в январе 1959 г. на заседании партбюро Томского инженерно-строительного института с докладом о научно-исследовательской работе кафедры дорожных и строительных машин выступил ее заведующий, доцент Н.И. Фокеев [27]. Ученый совет Иркутского пединститута (февраль 1971 г.) обсудил доклад проректора по научной работе, профессора Э.П. Зиннера "Итоги выполнения НИР за 1970 г. и задачи, стоящие перед профессорско-преподавательским составом института в 1971 г." [28].

Одно из центральных мест в работе вузовских коллективов занимали проблемы планирования научных исследований. Ознакомление с протоколами заседаний ректоратов, ученых советов, первичных партийных организаций, деканатов, кафедр позволяет утверждать, что вузы проявляли заботу не только о текущем, но и о перспективном планировании. Так, в мае 1989 г. общеуниверситетское партийное собрание Тюменского госуниверситета заслушало доклад ректора, профессора А.И. Ивандаева "Основные направления и перспективы развития вуза на XIII пятилетку", в котором особое внимание было уделено вопросам научной работы [29].

Между тем, с планированием вузовских исследований дело обстояло не совсем благополучно. На заседании научно-технического совета (НТС) МВ и ССО РСФСР (апрель 1978 г.) говорилось, что центральные органы управления и, в первую очередь, Госкомитет по координации НИР при Совете Министров СССР зачастую произвольно обращаются с представляемыми туда проектами планов. В результате из них исключаются ведущие научно-технические проблемы, по которым имеются значительные наработки, а новые темы включаются в планы случайно, без серьезного обоснования [30].

Планирование НИР в вузах систематически вызывало нарекания исследователей. В марте 1963 г. на заседании НТС Минвуза РСФСР было отмечено, что вузам постоянно приходится заниматься выполнением большого количества работ, часть из которых могла бы гораздо эффективнее решаться отраслевыми НИИ или заводскими лабораториями. Некоторые из них попадали в вузовские планы НИР просто по недоразумению: в планы включались без всякого отсева случайные предложения отдельных ученых, либо сотрудников и руководителей отраслевых научно-исследовательских учреждений, которые не желали загружать этими темами свои НИИ и ОНИЛ и отсылали их в вузы [31].

Надо сказать, что в условиях Сибири, располагавшей обширной сетью научно-исследовательских учреждений и вузов, большое значение имели проблемы координации исследований. С учетом этого обстоятельства, в соответствии с приказом МВ и ССО РСФСР от 22 ноября 1961 г., в Томске (при

ТГУ) и Иркутске (при ИГУ) были образованы Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский советы по координации и планированию НИР по техническим и гуманитарным наукам. В конце 1960-х гг. оба совета были преобразованы в региональные научно-методические советы [32]. Они занимались координацией научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений региона, стремились направить усилия ученых на решение кардинальных проблем научно-технического прогресса. В состав советов входили экспертные комиссии, которые курировали работу вузов в различных областях естественных, технических и гуманитарных наук. Их членами являлись авторитетные ученые. Не случайно, в январе 1962 г. заведующий кафедрой философии Иркутского госуниверситета, профессор Л.А. Петров, например, был утвержден председателем Совета по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам Восточно-Сибирского экономического района научно-технического совета Минвуза РСФСР, а членом Совета по координации и планированию НИР по техническим и естественным наукам ... в мае того же года, стал И.А. Парфианович, доктор физико-математических наук, декан ФМФ ИГУ [33].

В марте 1969 г. в Иркутске был образован Совет по координации и планированию научных исследований по педагогическим наукам, в состав которого вошли Э.П. Зиннер – доктор филологических наук, профессор, проректор по НИР пединститута (ИГПИ) – председатель Совета; Н.П. Карпов – ректор ИГПИ, А.И. Дулов – зав. кафедрой педагогики ИГПИ, Л.Т. Люшина – зав. кафедрой педагогики ИГУ, А.А. Константинов – зав. кафедрой педагогики пединститута иностранных языков (ИГПИИЯ), Г.С. Ботвинников – зав. кафедрой политэкономии и философии ИГПИ, В.И. Андреев – доцент ИГПИИЯ, В.Д. Кудрявцев – профессор ИГПИ [34].

По замыслу советы должны были объединить все высшие учебные заведения Сибири. Однако этого не случилось, так как ректоры вузов других министерств и ведомств (Минздрава, МПС, Минсельхоза, Минбыта, Центросоюза) работать во вновь образованных структурах просто не стали. С середины 1960-х гг. в них входили только институты и университеты, подчинявшиеся Минвузу РСФСР.

Основная деятельность региональных научно-методических советов была направлена на преодоление многотемности и дублирования тем. Требовалось, сокращая тематику, повсеместно разрабатывать комплексные планы исследований. Первым на это в Сибирском регионе откликнулся Томский политехнический институт, убрав из плана несколько тем, и вследствие этого назвав его комплексным [35].

С середины 1960-х гг. аналогичные планы стали приниматься в Иркутском и Томском госуниверситетах, Алтайском, Красноярском, Омском политехнических, Сибирском металлургическом и некоторых других институтах региона. Для сравнения отметим, что в 1970 г. согласно статистическим отчетам, в академическом секторе за одной темой закреплялось уже 5,2 исполнителя, в отраслевой науке – 2,3, а в вузах оставалось по одному. В целом по Сибири на одну тему приходилось 1,5 исполнителя [36].

И все же, несмотря на предпринимаемые усилия, вузовские ученые по-прежнему работали разобщено. Надо полагать, сказывались разнонаправленность специализаций и недостаток в кадрах. Усилия отдельных членов советов: ректора ТПИ А.А. Воробьева, ректора КрасПИ В.Н. Борисова, заведующего кафедрой ИГУ И.Н. Трегубова – оказались едва ли не напрасными [37]. В 1960-х – начале 1970-х гг. в вузах интенсивно готовили "остепененных" специалистов. Поэтому здесь невозможна была ни кооперация, ни комплексность.

Однако изменения все же коснулись и вузовского сектора науки, когда Минвуз РСФСР в 1974 г. обратился к программно-целевому методу управления НИР, подключив к нему все вузы, в том числе и сибирские. Наиболее интенсивно к разработке целевых программ приступили в ТГУ, ИГУ, ТПИ, ИПИ и НЭТИ, включившись в создание программ "Нефть и газ Западной Сибири", "Энергия", "Платиновые металлы", САПР, "Человек и окружающая среда" [38]. Между тем, принятием программ на перспективу дело и закончилось. В результате, в мае 1981 г. Минвуз РСФСР признал, что программно-целевой метод не стал основой научной деятельности высших учебных заведений [39].

Думается, что на этапе планирования НИР, в котором принимали участие и ученые вузов региона, в процессе координации научной работы, существовавшее управление исследовательской деятельностью не обеспечивало ее результативности.

С целью повышения эффективности вузовской науки в начале 1980-х гг. ряд учреждений высшего образования Сибири вошел в состав Хозрасчетного научного объединения (ХНО) Минвуза РСФСР. Впервые в практике работы высшей школы была четко определена задача максимального использования научного потенциала университетов и технических вузов в интересах отдельных отраслей народного хозяйства страны. Стали использоваться новые современные принципы организации и планирования научно-исследовательской работы, а также новая система образования фондов материального стимулирования, которая была поставлена в прямую зависимость от экономической эффективности НИР и внедрения законченных научных разработок. Однако состояние вузовской науки к началу 1990-х гг., несмотря на предпринятые Минвузом организационные меры, ухудшилось. Условия советской экономической системы, недостаточно проработанная нормативно-правовая база деятельности системы централизованного обслуживания научных исследований, начавшиеся изменения социально-экономических реалий, де-

зинтеграция межведомственных связей остановили работу в этом направлении.

Осуществляя координацию исследований, ученые стремились укрепить связи вузовской, академической и отраслевой науки. Важное значение придавалось расширению взаимодействия высших учебных заведений с Академией наук. На Всесоюзном совещании научных работников в Кремле (июнь 1961 г.) интеграция высшей школы и АН СССР рассматривалась как одно из важнейших направлений повышения эффективности науки. Выступая с речью на совещании академик М.В. Келдыш отметил, что "Академия наук должна установить более тесные связи с Московским и Ленинградским университетами, республиканские академии – с университетами городов республик с тем, чтобы объединить научную работу ряда кафедр вузов с работой соответствующих лабораторий научных институтов" [40].

Вопросы, касающиеся расширения сотрудничества академической и вузовской науки, регулярно обсуждались Общим собранием и Президиумом АН СССР. На состоявшемся в феврале 1966 г. годичном собрании Академии наук СССР говорилось: "Еще не достигнут необходимый уровень научной и организационной деятельности в стране, в координации и кооперации научно-исследовательских работ академических институтов с высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими учреждениями промышленности" [41].

В 1967 г. Президиум АН СССР принял постановление "О научно-исследовательской работе вузов в области общественных и естественных наук". В документе содержался анализ достижений вузовских ученых, вскрывались недостатки в организации исследований. Подчеркивалась, в частности, необходимость укрепления связей АН СССР с вузами [42].

Росту контактов высшей школы с академическими учреждениями способствовала деятельность многих ученых, некоторые из них одновременно работали в вузах и институтах АН СССР. На это обращают внимание следующие факты. Благодаря научно-педагогической деятельности академиков М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева, И.Н. Векуа, А.И. Мальцева, Ю.Н. Роботнова, Л.В. Овсянникова, Ю.Л. Ершова и других ученых механико-математический факультет Новосибирского госуниверситета был тесно связан с базовыми институтами СО АН СССР: Математики, Гидродинамики, Теоретической и прикладной механики, Горного дела, Системных исследований, а также Вычислительным центром [43]. Среди академических учреждений, с которыми сотрудничал профессорско-преподавательский коллектив Норильского вечернего индустриального института, в первую очередь, следует упомянуть Сибирский институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн СО АН СССР, Институт общей и неорганической химии АН СССР, Институт теплофизики СО АН СССР [44]. Связи Омского сельхозинститута с НИИ ВАСХНИЛ находили свое выражение в научно-педагогической деятельности академика К.П. Горшенина, профессоров А.В. Федюшина, М.З. Журавлева, Г.П. Еремеева и других ученых [45]. Укреплялись контакты Красноярского института цветных металлов с такими учреждениями АН СССР, как Институт горного дела и гидродинамики, Институт электрохимии, Институт геологии и геофизики, Институт кристаллографии, Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского [46].

Из вышеприведенных фактов видно, что определенные позитивные изменения, связанные с развитием связей вузовской и академической науки, конечно же, происходили. Однако при этом возникли значительные трудности, в частности, в 1960-е гг. был введен запрет на преподавание в высшей школе по совместительству. "Из вузов изгнали волюнтаристским путем не только крупных ученых, но и промышленников, специалистов. И высшая школа "замкнулась в раковине", быстро заполнив вакансии своими же выпускниками" [47]. И делалось это под знаком борьбы за экономию средств. Но такая "экономия", как справедливо отмечал академик Г.И. Марчук, нанесла тяжелейший удар не только по высшему образованию, но и по подготовке кадров молодых исследователей для Академии наук [48].

Слабой оставалась и межведомственная координация НИР с учреждениями АН СССР [49].

Одной из форм сотрудничества Академии наук и высших учебных заведений являлись совместные исследования. К началу 1960-х гг. некоторые вузы издавали многочисленные сборники статей, которые не были тематическими по своей внутренней организации и, как правило, не выходили из стен издававших их институтов и университетов. Относительно же периодических изданий, где могли бы печататься работы вузовских ученых, то они ограничивались одним журналом "Вестник высшей школы", который к тому же, носил обзорный характер. Ведомственные барьеры и весьма ревностное отношение Минвуза и Академии наук зачастую приводило к тому, что использование академических журналов для сотрудников вузов оказывалось практически полностью невозможным [50].

С целью выхода из сложившейся ситуации на рубеже 1950–1960-х гг. Минвузом было предложено перейти к публикации периодических межвузовских изданий научных работ. Два из таких изданий "Известий высших учебных заведений" предлагалось базировать на основе сибирских вузов: по разделу "Физика" – в Томске при госуниверситете, под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.Д. Кузнецова и по разделу "Черная металлургия" в г. Новокузнецке при Сибирском металлургическом институте [51].

В дальнейшем, особенно в 1970–1980-е гг., ученые высшей школы привлекались к подготовке коллективных обобщающих монографий, которые создавались в академических учреждениях как естественнонаучного, так и гуманитарного профиля.

Одной из важнейших форм координации НИР являлись научные съезды, конференции, совещания. С 1956 г. распространение получили межвузовские конференции и совещания работников высших учебных заведений. Например, в марте 1960 г. в Новосибирске, Томске, Иркутске состоялись межвузовские конференции ученых-историков Сибири и Дальнего Востока [52]. С 8 по 13 сентября 1966 г. в Томске проходила III Сибирская конференция по математике и механике. Иркутским госуниверситетом на ней было представлено 12 докладов [53].

При участии ученых сибирских вузов проходили многие межвузовские научные конференции и совещания в других городах страны. В декабре 1985 г. в Ереване состоялось Всесоюзное совещание-семинар заведующих кафедрами географических специальностей университетов страны, посвященное вопросам развития географических наук и подготовке специалистов-географов. В работе совещания приняли участие профессора Томского госуниверситета А.А. Земцов и В.И. Русанов [54].

Координирующую функцию выполняли также научно-технические конференции. В сентябре 1983 г. в Томске была проведена Республиканская научно-техническая конференция по прикладной математике и механике. В ней участвовали известные ученые из Москвы, Ленинграда, Риги, Киева, но больше всего докладов было представлено томичами и особенно организаторами конференции – сотрудниками физико-математического факультета ТГУ и НИИ прикладной математики и механики при Томском госуниверситете [55].

Ученые высших образовательных учреждений принимали участие в научных съездах, совещаниях и конференциях, созываемых Академией наук. В качестве одного из многочисленных примеров укажем на научную конференцию по проблеме "Философия и история науки и техники", которая в июле 1964 г. была организована и проведена в Иркутске АН СССР, обществом "Знание", Восточно-Сибирским советом по координации и планированию естественных, технических и гуманитарных наук. Среди участников конференции были ученые иркутских – университета, политехнического, медицинского, педагогического, сельскохозяйственного и других вузов областного центра [56].

Из вышесказанного следует, что съезды, конференции и совещания стали одной из эффективных форм организации вузовской науки, ее планирования и координации. Они давали возможность ученым совместно подводить итоги научно-исследовательской работы, определять перспективы ее дальнейшего развития. В то же время, наряду с положительными моментами имелись и негативные явления, которые обнаруживались при проведении научных форумов. Нередко на них обсуждались малозначительные, а порой даже и второстепенные вопросы. Часто программы съездов, конференций и совещаний были перегружены настолько, что не давали возможности многим участникам выступить. Решения, принимаемые научными форумами, зачастую не находили практического применения.

Несмотря на указанные недочеты, и говоря в целом о совокупности мер, направленных на совершенствование главных организационных форм научной деятельности высшей школы, следует подчеркнуть, что они состояли в том, чтобы привести эти формы в соответствие с требованиями научно-технического прогресса, поднять уровень работы вузов как центров фундаментальных и прикладных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О дальнейшем развитии научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 февраля 1964 г. // Высшая школа: Сборник основных постановлений, приказов и инструкций. – М.: Высшая школа, 1978. – Ч. 2. – С. 100–105 и др.
2. Там же. С. 116, 118.
3. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2535. Л. 29–30.
4. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 26. Оп. 29. Д. 385. Л. 136; Оп. 43. Д. 54. Л. 105.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 66. Д. 92. Л. 116.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 461. Л. 2, 6.
7. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-1107. Оп. 1. Д. 16. Л. 123.
8. Подсчитано по: Текущий архив Министерства образования Российской Федерации (ТА МО РФ), государственные архивы Сибири, годовые отчеты вузов региона по НИР за 1958–1991 гг.
9. Беляев Е., Пышкова Н. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: исторический очерк. – М.: Наука, 1978. – С. 146.
10. ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 10. Д. 92. Л. 117–118.
11. Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3343. Л. 20–26.
12. Там же. Ф. 320. Оп. 10. Д. 92. Л. 117–118.
13. Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3343. Л. 20–26; Д. 3800. Л. 178–179; Оп. 15. Д. 124. Л. 48–49.
14. Там же. Ф. 320. Оп. 10. Д. 90. Л. 95–96.
15. Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф. 127. Оп. 55. Д. 250. Л. 90–91.
16. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1759. Л. 3–4.
17. Нестерович А.А. Иркутский государственный университет – первенец вузовской науки Восточной Сибири (1918–1998). – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – С. 57.
18. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 69. Д. 132. Л. 25.
19. Там же. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 2294. Л. 5.
20. Там же. Д. 2999. Л. 7.
21. Университетская жизнь (НГУ). – 1984. – 7 апр.

22. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. Р-1534. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–11.
23. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Ф. 371. Оп. 1. Д. 9. Л. 110–111.
24. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 1138. Л. 1–2.
25. ЦХИДНИКК. Ф. 7162. Оп. 1. Д. 26. Л. 161–162.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-9606. Оп. 73. Д. 5831. Л. 111.
27. ЦДНИТО. Ф. 4584. Оп. 3. Д. 6. Л. 7.
28. ЦДНИИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 114. Л. 60.
29. Центр документации новейшей истории Тюменской области (ЦДНИТюО). Ф. 1438. Оп. 2. Д. 161. Л. 50–53.
30. ГАРФ. Ф. А-9396. Оп. 1. Д. 1217. Л. 7–8, 18.
31. Там же. Д. 1536. Л. 14–15.
32. Там же. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 4921. Л. 28.
33. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1349. Л. 116; Д. 1379. Л. 59.
34. ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 86. Д. 17. Л. 38–39.
35. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3881. Л. 54–55.
36. Рассчитано по: ТА МО РФ, государственные архивы Сибири. Индивидуальные статистические отчеты вузов региона по НИР, форма 5-НК за 1970 г.
37. ЦДНИТО. Ф. 320. Оп. 10. Д. 90. Л. 94; ЦХИДНИКК. Ф. 6727. Оп. 1. Д. 1145. Л. 83.
38. ГАРФ. Ф. А-608. Оп. 1. Д. 6239. Л. 7–9.
39. Там же. Д. 8384. Л. 172.
40. Всесоюзное совещание научных работников в Кремле. 12–14 июня 1961 г. (Стенограммы, материалы). – М.: Наука, 1961. – С. 18.
41. Вестник Академии наук СССР. – 1966. – № 3. – С. 15.
42. Кольцов А.И. Организация научных исследований в вузах Ленинграда в 1956–1970 гг. – СПб.: Изд-во СПб. гос. архит.-строит. ун-та, 1996. – С. 25.
43. Новосибирский университет: опыт интеграции образования и науки // Под ред. проф. И.А. Молетотова. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – С. 35, 39.
44. Текущий архив Иркутского госуниверситета. Сводный отчет о научно-исследовательской работе вузов Восточной Сибири за 1981 г. Л. 61–62.
45. ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 139. Д. 24. Л. 36–37.
46. Текущий архив Иркутского госуниверситета. Сводный отчет о научно-исследовательской работе вузов Восточной Сибири за 1981 г. Л. 56–57.
47. Правда. – 1991. – 22 марта.
48. Кольцов А.И. Организация научных исследований в вузах Ленинграда в 1956–1970 гг. – СПб.: Изд-во СПб. гос. архит.-строит. ун-та, 1996. – С. 28.
49. ГАРФ. Ф. А-9606. Оп. 1. Д. 1217. Л. 18.
50. Водичев Е.Г. Путь на Восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири (середина 50-х – 60-е гг.). – Новосибирск: Экор, 1994. – С. 116.
51. Там же. – С. 117.
52. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 476а. Л. 54.
53. Иркутский университет (ИГУ). – 1966. – 17 окт.
54. За советскую науку (ТГУ). – 1986. – 16 янв.
55. Там же. – 1983. – 6 окт.
56. Гольдфарб С., Щербаков Н. Иркутский государственный университет: хроника событий: 1918–1998. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – С. 148.